

Евгений Касимов

Касимов Евгений Петрович родился 21.04.1954 на Южном Урале в шахтерском городе Коркино Челябинской области. Отец – инженер-электротехник, мать – учительница географии. В четырнадцать лет уже работал учеником электрослесаря на заводе, а в шестнадцать лет, оставив школу, уехал по комсомольской путевке в Набережные Челны строить КАМАЗ. В 1972 г. был призван в ряды Советской Армии. После демобилизации пошел учиться в Челябинске в школу рабочей молодежи. Начал печататься в газетах «Горняцкая правда», «Вечерний Челябинск». В 1976 г. поступил на филологический факультет УрГУ. В 1981 г. поступил в Литературный институт им. А.М. Горького (семинар В. Амлинского). В Свердловске работал журналистом в газете, на радио, где вел новости культуры, литературные передачи. С 1998 по 2001 г. был главным редактором «Студии Город». В 2001-м работал в газете «Вечерние ведомости», в 2002-м – на канале «Евразия» облТВ. В 2003 г. основал и возглавил газету «Городские куранты». Стихи и проза публиковались в журналах «Урал», «Уральская новь», «Уральский следопыт», «День и ночь», «Знамя», «Октябрь», «Сибирские огни» и др. Автор книг стихов: «Стихи» (Екатеринбург, 2001), «Этнографические стихи» (Екатеринбург, 2004), «Блуждающее облако» (Екатеринбург, 2005), «Нескучный сад» (Екатеринбург, 2009) и др., а также нескольких книг повестей и рассказов. Лауреат конкурса им. М. Волошина, премии им. П. Бажова, премии «Ясная Поляна» и др. Является депутатом областной думы от фракции КПРФ. Женат. Отец троих детей. Участник АСУП-2. Живет в Екатеринбурге.

Филологическая маркировка стихов Е.К.

Традиции, направления, течения: реализм, орнаментализм, античная поэзия, метареализм.

Основные имена, влияния, переклички: О. Мандельштам, Н. Гумилев, И. Бродский, А. Еременко, Б. Поплавский, А. Тарковский.

Основные формальные приемы, используемые автором: тяготение к лирическому эпосу, сюжетность, разностилевая лексика.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: путешествие, странничество, экзотика иных географических пространств, метафизика пространства, этнографическая тематика, город, улицы, дорога, стихии, ангелы, взаимопроникновение быта и бытия, призрачность жизни, античные мотивы.

Творческая стратегия: трагедийно-стоическое и мужественно-светлое переживание пространственной явленности и конечности личного бытия.

Коэффициент присутствия: 0,64

АВТОБИОГРАФИЯ

Я очень сильно любил маму. Лет в семь я пообещал публично, что когда вырасту, – женюсь на ней. Пусть только она меня дождется.

Мама была красавицей. Еще школьницей стала играть в народном театре. Мечтала стать настоящей актрисой. Но поступила на заочное в педин-

Мама

Родители: Анастасия Георгиевна
и Петр Христофорович

ститут. Преподавала историю, географию. Мечтала написать роман. Даже название придумала – «Заочницы». Другой смысл этого слова ей был неведом.

Работала в библиотеке, и папа имел своеобразную льготу: всем выдавали только по две книги, а он брал читать целые собрания сочинений. Так мы с ним и читали на пару. Еще я выкрадывал у старшей сестры тетрадку с заветными стихами и читал Рождественского, Вознесенского и Асадова, запоминая стихи с листа. Некоторые до сих пор помню.

Мама отдавала меня в кружок лепки, в кружок рисования, но я упорно ходил только в секцию бокса в местный ДК им. Кирова. Мама единственная поверила в меня, когда я поступил в Литературный институт им. Горького. Она мечтала, чтобы я стал журналистом. На худой конец, писателем. Она помогала мне деньгами и, благодаря ей, я выучился. Папа считал мои занятия литературой полной чепухой – он был человек технического склада, верил только в инженерную мысль. И всю жизнь занимался электричеством. Бабушка Мотя вообще считала, что я прохиндействую и морочу маме голову, только чтобы денежки выманить. Моя мама из деревни Еманжелинка, что стоит на Троицком тракте в сорока километрах от Челябинска. Жили там башкиры, татары и казаки Оренбургского казачьего войска.

Самое лучшее, что я могу вспомнить в своей жизни, – это детство. Оно не было абсолютно благополучным и обеспеченным: жили, как и все, небогато. Но это были самые золотые дни – счастливые и безмятежные. «Все меня увлекало: тишина лесовая, вода в форме лекала и индейские палочки для рисования...» В детстве ежеминутно поражаешься открывающемуся миру. Вот мы с отцом поехали на Кавказ. Для меня было настоящим

потрясением, когда я увидел пальмы, море, горы. Но еще большим потрясением для меня стало возвращение домой. Когда самолет приземлился в Челябинске, за окном была осень, серенькая равнина, тусклое небо, кое-где уже лежал снег. И у меня сердце защемило от боли, потому что я понял, что не надо мне всей этой южной роскоши, что ни на что не променяю Урал с его приглушенными красками.

Родители хотели назвать меня Вовой, но тут вмешалась моя старшая сестра – Татьяна. Дело в том, что мой троюродный брат Женя родился на полгода раньше меня, и Таня ходила с ним играть (они жили на первом этаже, а мы на втором), привыкла ляльку называть Женей, после чего наотрез отказалась называть меня Вовой.

Лет в двенадцать-тринадцать неожиданно ощутил себя литератором. В нашей компании было шестнадцать пацанов – и все из одного двора. Такое суровое мужское сообщество. Мы играли в шпионов, в индейцев, в рыцарей, в пиратов. И однажды я прихожу к ребятам, а они сидят, сочиняют пиратский роман, героями которого мы все и являемся. Почитал – так понравилось! Морские погони, абордажные схватки, необитаемый остров! Вдруг появилось неистребимое желание – участвовать в этом деле. Начал что-то поправлять, переписывать, т.е. выступил эдаким редактором. Но писательский зуд уже овладел мной! Через месяц обнаружил, что пишу вполне самостоятельный приключенческий роман. С прологом и эпилогом.

Жизнь порой распоряжается. Никогда бы не подумал, что поеду в геологоразведку работать, что я буду работать на заводе, совсем не мог предположить, что буду учительствовать. Вдруг выяснил, что можно освоить любую профессию. Главное – работать с интересом.

Быть неспециалистом – это самое позорное и неприятное. Если нет таланта петь, не пой. Нет способности писать – не пиши. Либо пиши, но никому не показывай. Беда, когда кто-то плохо делает дело, но при этом раздувается от собственной значимости.

День рождения никогда не любил праздновать. Спокойно отношусь вообще к любым праздникам.

Мне ближе нечетные числа. Я родился 21 апреля, между Гитлером и Лениным. Но как-то не испытывал магнетизма этих личностей. А вот 23 родился Шекспир. Он мне более симпатичен.

После седьмого класса устроился учеником электрослесаря в центральные электромеханические мастерские. Работал все каникулы. Платили примерно 60 рублей в месяц. Неплохие деньги для четырнадцатилетнего школьника. С первой зарплаты сделал подарки маме и папе. Потом купил себе велосипед и костюм для школы.

Старшие товарищи наставляли: «Не иди по пути наименьшего сопротивления». Я, конечно, отмахивался от нравоучений. Но этот постулат, наверно, справедлив. Когда возникают препятствия материального или духовного порядка, и ты, напрягаясь, преодолеваешь их, то именно это и дает наибольшее удовлетворение. Чем сильнее сопротивление материала, тем выше результат. Выходишь на другой уровень.

В детстве меня звали Бодманом, Команчей. Потом приклеилось – Хипа. В конце 60-х вдруг обнаружилась чрезвычайная привлекательность идеи свободы в трактовке битников и хиппи. И меня эти идеи просто заворожили.

Я был обыкновенным молодым человеком. Мало чем отличался от других. Носил длинные волосы – тогда это выглядело даже как некая фронда. Ходил в клешах, джинсах, но чаще всего носил то, что было. Мама была замечательной швеёй и шила мне из недорогого вельвета пиджаки и брюки. Потом вдруг это стало модным.

Школу я не закончил. После 9 класса на все лето ушел в геологоразведку. Поехал за туманом... И мне так понравилась эта вольница, что, вернувшись в школу, я забрал документы и уехал в Прибалтику (то ли в Америку собрался, как Монтигемо Ястребиный Коготь, то ли пытался вытащить «звездный билет»). Мы с друзьями жили и работали в Сигулдском опытном хозяйстве: валяли лес, рубили дрова. Нам нравилась свобода, независимость, философские диспуты по ночам о смысле жизни. А спустя полгода вдруг пришла отчаянная мысль, что жизнь проживается как-то бездарно. В это время объявили комсомольской стройкой КАМАЗ, и мы с ребятами уехали в Набережные Челны. Я работал геодезистом, бегал с рейкой и теодолитом. Делал разбивку под первый пусковой объект КАМАЗа – прессово-рамный цех. По сути, первый колышек забивал. Это был февраль 1971 года, стояли сильные морозы, и я все лицо обморозил. Страшно было смотреть! Жили в общежитии по 5 человек в комнате. Из одежды – одна рубашка, одни брюки, одна куртка, но все бросить и вернуться домой не хотелось. Оттуда я ушел в армию. Уже потом закончил вечернюю школу, поступил на филологический факультет УрГУ. В то время я уже писал в газету, сочинял стихи, какие-то рассказы. Однако учеба не сложилась – нужно было работать, содержать семью. Ко второму курсу у меня родился сын Антон.

В 1981 году я послал свои рассказы на конкурс в Литературный институт им. Горького и получил приглашение, сдал экзамены и через шесть лет окончил отделение прозы. Учился в семинаре Владимира Амлинского.

Память – это золотой запас. Именно память – личная, родовая, историческая – делает вас личностью. Я встречал в жизни много замечательных

Е.К. с профессором УрГУ В.В. Эйдиновой на первомайской демонстрации, 1976 г.

людей. Волшебной была мимолетная встреча с Всеволодом Рождественским. Представляете, сидеть разговаривать о поэзии с человеком, который дружил с самим Блоком! Однажды меня познакомили с Тимуром Гайдаром. Тем самым, чьей командой мы восхищались. Это, как говорил поэт Александр Еременко, все равно, что с Буденным сфотографироваться!

Я живу своим временем и в своем времени, но иногда бывает странное ощущение, будто ты действуешь, как некий десантник из будущего. Гамлет какой-то. Тот был настоящий прогрессор. Хочется быть свидетелем загадочных исторических событий. Я, конечно, догадываюсь про цивилизацию атлантов, но хотелось бы ее увидеть воочию.

Воображение – и есть машина времени. Могу признаться: я охотился на мамонтов, бывал в

Е.К., 1975 г.

Гефсиманском саду, сидел на трибунах Колизея, участвовал в войне Алой и Белой Розы и еще в двенадцати военных походах (Казань не брал), танцевал на ассамблеях Петра Первого, дружил (и продолжаю дружить) с Пушкиным, сидел в окопах Сталинграда, не раз путешествовал по Африке. Могу спокойно записаться в экспедицию на Марс. Хотя кольца Сатурна гораздо интересней. Понятие поколения – это абсолютно условный термин. Меня, например, часто записывают в «шестидесятники». Они, конечно, мне близки по духу. Но ведь этого мало. Любое поколение неоднородно. Сегодня разговариваешь с иным молодым человеком и понимаешь, что он родился году эдак в шестидесятом. Встречались мне и пятидесятилетние старички. Наверно, людей объединяет не возраст, а судьба. И какое-то внутреннее родство.

А если говорить о моем поколении, то мы, родившиеся после смерти Сталина, были свидетелями и участниками расцвета и конца советской эпохи. Многие из моих друзей стали замечательными учеными, инженерами, художниками, архитекторами, писателями, поэтами. А кто-то погиб, кто-то до сих пор в алкогольном обмороке. Трудно жить в эпоху перемен.

Можно, конечно, раздавать милостыню направо и налево, но мне кажется это не совсем правильным. Очень много стало профессиональных нищих. Для многих это не нужда, а бизнес. Хотя понимаю, что милосердие не должно быть избиратель-

ным. Но помогаю только стареньким бабушкам. Не хватает глубоких знаний. Много чего не умею. Не умею на лошади ездить. Не говорю на латыни. А хотелось бы научиться иностранным языкам, получше освоить компьютер.

Чаще жалею о несделанном. Иногда бывает горько, что поторопился. Есть вещи, за которые мне стыдно. Учусь на своих ошибках.

Есть два очень сильных чувства, которые испытываешь, – это любовная мука и радость созидания. Хороший текст написать – дорогого стоит. Учился я у многих. У друзей, у классиков и просто приличных людей, которые еще встречаются на улице. На меня сильно и серьезно воздействует личность. В первую очередь – ее поведение. И, конечно, человек, обладающий бесценным даром. Вдруг обнаружил, что в литературе у меня мало прямых учителей и наставников. Нет, конечно, у каждого есть своя родословная. Есть она и у меня. Но почему-то мне кажется, что очень сильно на меня повлиял кинематограф – Бергман, Феллини, Тарковский.

Я всегда был такой... беспечный ездок. Но вот последние двадцать лет ощущение тревоги не оставляет меня. «А в наши дни и воздух пахнет смертью». Жизнь становится хаотичней, опасней, абсолютно непредсказуемой. «Разрушается воздух. Нарушаются связи между контуром и неудавшимся смыслом цветка».

Судьба – это, если хотите, программа, которую ты должен исполнить. Если по воле случая произой-

Е.К., А. Еременко, Р. Тягунов, конец 80-х

шел сбой, – перезагрузись. Но постарайся довести дело до конца. Бывает, что все рушится, и можно махнуть рукой – эх, судьба-злодейка! А можно сказать, что это Провидение. Но в любом случае, надо стоять. Для этого надо обладать известным мужеством. А нам его так часто не хватает!

Слово, участие другого человека (как правило, близкого товарища, друга), конечно, помогает в трудных ситуациях. Видишь, что люди к тебе равнодушны и готовы помочь. С другой стороны, чтобы пережить трудный момент, надо самому уметь упираться.

Человек один – в этом мире ни черта не может сделать. Герои-одиночки встречаются разве что в эпосе. Ну или в голливудском кино. С другой стороны – от человека очень много что зависит. Зависит от крепости его позвоночника, от качества его сердца и души. Писатель и педагог Януш Корчак пошел вместе со своими школьниками в газовую камеру, потому что не мог их оставить. Это – человек.

Да, я плачу и рыдаю. Наверно, я очень впечатлительный. В детстве плакал на индийских фильмах «Бродяга», «Господин 420». Когда смотрел на Таганке «Добрый человек из Сезуана», – ревел чистыми слезами все три действия. Плачу и рыдаю, когда читаю хорошую прозу. Не могу быть спокойным, когда сталкиваюсь с настоящей бедой, пусть она случилась даже с незнакомым мне человеком. Хотя, если разобраться, сами по себе слезы мало что говорят. Кто-то заметил, что все тираны были очень сентиментальными. Помните: «Когда крокодил поймает человека и начинает его ясти, то плачет и рыдает, но ясти не перестает».

Совершенно спокойно могу посмеяться над собой. Над другими смеяться, как мне кажется, не очень-то хорошо. За таким смехом зачастую скрывается глупое чувство превосходства. Или просто душевная грубость. А вообще лучше смеяться или в театре, или в кино.

Боюсь не закончить того, что начал. Книгу, воспитание детей, жизнь, наконец. Есть ясное понимание того, что должен сделать. Что никто, кроме тебя, это не сделает. А вообще-то, надо просто жить достойно. И тогда тебя никогда не застанут врасплох.

Времени не хватает. Писательская жизнь так устроена, что надо хотя бы два-три часа в день сидеть и писать. И желательно с чистой головой и незамутненными чувствами. Каждый день! Иначе результата не будет.

Многое могу простить, ибо понимаю – человек слаб. Но никогда не прощу предательства. Даже у Данте – это самый тяжкий грех. Когда сталкиваешься с предательством, – все внутри рвется! Такая пустота образуется, что ее уже не заполнишь ничем. Никаким политесом.

Еще я верю в чудо. Чудо – одно из таких явлений

Е.К., 2003 г.

в жизни, которые просто помогают человеку выжить. Чудо – совершенно необходимый элемент бытия. Как витамины. Без чуда жизнь была бы кондовой, посконной, суконной и т.д.

Интуиция, наверно, мое главное положительное качество. А отрицательное – лень. Я тот еще обломовец! И еще – не могу устоять перед сладостями.

Что меня вдохновляет? Лучше сказать, поражает. Мимолетное виденье, гений чистой красоты... Вот японцы умеют радоваться осыпающемуся цветку вишни. Нужна очень тонкая настройка на такой уровень восприятия. Очень сильно на меня действует шум моря, огонь в костре. Если удается, открываешь, распаиваешь себя так, что неистребимо в душу западают движение облака, запах прелой листвы, вкус земляники. Весь этот огромный прекрасный мир, который мы ежедневно калечим и убиваем.

Любимое место я часто рисую в своем воображении. Это небольшая деревня возле речки, поля, березовые рощи. И все это пронизано ярким солнечным светом и легким духом свежескошенной травы.

Люблю жизнь во всех ее естественных проявлениях. Верю в жизнь. И непонятно, зачем человек часто выворачивает ее наизнанку.

Деньги организуют быт, но не бытие. Деньги – это определенная свобода, возможность путешествовать. Путешествия же – источник вдохновения.

Свобода – это внутреннее состояние. Я научился быть свободным. Я уехал из дома в шестнадцать лет. И был свободен – в выборе работы, увлечений, места жительства. Когда пришла повестка, – пошел в армию, даже мысли не было закосить. И попал в условия чудовищной несвободы. Для

Е.К. с женой Еленой, 2012 г.

меня это была хорошая школа в таком дзенском понимании. Я понял, что эту внешнюю жизнь надо принять, не изменяя себе, своей природе. И вдруг что-то произошло. Я понял, что над моей душой не властен ни командир, ни дембель-самодур. Что-то похожее, наверно, испытал Пьер Безухов, или Николай Морозов, когда его засадили в Алексеевский рavelин.

Нельзя научиться доброте. Это врожденное качество.

А жалеть надо всех. Потому что жизнь трудна. Никого никогда не нужно давить.

Гламур душист. Попса – явление отвратительное и губительное. Это не искусство, а его симуляция. Ловушка, которую расставляет наша дурная цивилизация. Как для некоторых политиков, народ – это только электорат, так для гламура нет человека, есть платежеспособный клиент. Грустно смотреть, как люди добровольно становятся источником вечного наслаждения для кучки самодовольных негодяев, а те существуют, как марсиане Уэллса, для которых люди были только питательным материалом. Правда, есть еще более омерзительная штука – гламур навыворот. Но суть одна.

Продвинутый интернет-юзер – это не про меня. Не хожу ни в форумы, ни в чаты. Компьютер использую в основном для переписки и как печатную машинку. Считаю его благом, ведь он возродил эпистолярный жанр.

Я глубоко убежден, что культура является скелетом цивилизации. Разружьте этот скелет – возникнет аморфность, неопределенность формы, а потом и деградация. Люди культуры не дают энтропийным процессам выйти из-под контроля,

они являются охранителями цивилизации. Они занимаются этим, потому что не могут этим не заниматься.

Моя же роль в этом деле достаточно скромная. Я составлял поэтические антологии, участвовал в издании журналов, составлял и редактировал книги, занимался организацией поэтических вечеров. В 80-е годы мы с друзьями организовали клуб «Ветер и поток», в котором проходили ночные тусовки с участием знаменитых музыкантов, поэтов, писателей, где выставлялись работы талантливых художников. Это безденежное, но достаточно энергичное существование позволяло чувствовать себя... Странником, что ли. Мечтателем.

Мне кажется, что в культуре нужно быть постоянно. Туда нельзя зайти, как в кинозал, на полтора часа. Я восемь лет проработал на радио, на «Студии Город», вел новости культуры, литературные передачи, много чего еще, был главным редактором. При этом никогда не ощущал себя только журналистом. Участвовал в журнальных, книжных, телевизионных проектах. И по большому счету занимался формированием инфосферы. Вернее, определенным ее слоем.

Конечно, журналисты обществу необходимы. Писатель пишет долго. Материал у него должен отстояться. Журналист же оперативен, напорист. К сожалению, не всегда умен. Часто поверхностен. Часто служит орудием в чьих-то руках. И – самое печальное – не всегда осознает это.

Надо еще столько успеть! Написать что-то действительно сильное, крупное. Ну, не «Жизнь Арсеньева», конечно. Хотя бы «Темные аллеи». Это, может быть, не единственная мечта, но очень сильная. Сколько себя помню, меня все время томила смутная тоска по тому, что я должен что-то сделать. Что-то очень важное для себя и для других. Времени остается не так много. Я очень мало написал. Но я много чего видел, наверно, что-то понял в этой жизни, и хочется это зафиксировать. Я должен успеть. Успеть – это не значит добиться успеха. Успеть – это сделать. То, что никто, кроме тебя, не сделает. Сейчас под успехом подразумевается возможность при жизни вкусить то, что тебе как бы положено. Подлинное признание путают с модой. А мода капризна и быстротечна. Есть вещи более прочные. Не всегда воздается человеку при жизни. И это нормально. Конечно, хотел бы быть понят своею страной. Теми, кто будет потом. А не буду понят, что ж...